

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АБХАЗСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Абхазская литература — одна из самых молодых в СССР. Только в годы советской власти появились первые стихотворения, повести, рассказы писателей Абхазии, старейшим из которых является Д. И. Гулиа, выступивший на литературную арену уже в конце 20-х годов. 30-е и 40-е годы — годы невиданного расцвета социалистической по содержанию, национальной по форме советской культуры — отмечены появлением ряда первоклассных произведений молодых абхазских писателей. В числе их роман И. Г. Папаскири «К долгой жизни», повести лауреата Сталинской премии Г. Д. Гулиа «Весна в Сакене» и «Добрый город».

Роман Папаскири «К долгой жизни» впервые был напечатан на абхазском языке в 1937 г. и только в 1949 г. переведен на русский язык. Автор рисует картину жизни абхазской деревни, начиная с первых лет установления советской власти и кончая победой колхозного строя. На общем фоне борьбы с дореволюционным прошлым, со всевозможными вредными пережитками, мешающими построению в Абхазии социалистического общества, рельефно выступает основная сюжетная линия — борьба героя романа Темыра с одним из сильнейших пережитков прошлого — обычаем кровной мести. Темыр — сын бедняка. Отец его умер в нищете, брат убит. Темыр дал клятву отомстить за смерть брата неизвестному убийце. Он считает это целью своей жизни и только по этой причине не женится на любимой девушке Зине. Ведь по старым абхазским понятиям не отомстить за кровь — величайший позор. Неотомстивший кровник не имеет права показываться в общественных местах, не может спокойно предаваться мирной жизни, не считается даже человеком. Тяжелый долг мести тяготит Темыра. Он почти не занимается хозяйством, не участвует в жизни селения. Наконец, Темыр узнает, что убийца его брата — отец Зины, мстивший за смерть своей сестры; князь Мурзакан, бывший действительным убийцей девушки, ловко сумел направить гнев ее родных на голову ни в чем не повинного человека. Однако теперь, когда убийца найден, Темыр чувствует, что он не в состоянии совершить задуманную так давно месть: ведь Абхазия за эти годы изменилась и вместе с ней изменился и сам Темыр. В селении построены новые здания, открыта школа, организован ликбез, ведется успешная борьба с кулаками и их приспешниками. Секретарь сельской парторганизации Миха уже втянул Темыра в общественную жизнь: он присутствует на собраниях, его выбирают на работу в сельский кооператив, затем председателем сельсовета. Темыр — кандидат партии, и Миха помогает ему окончательно преодолеть мысль о кровной мести, хотя жениться на Зине Темыр еще не решает: ведь она — дочь убийцы его брата. Идут годы коллективизации. Темыр активно участвует в организации колхоза, затем Абхазский Обком КП(б) Грузии посылает его на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока, и вот Темыр снова возвращается в родное селение уполномоченным районного комитета партии. Это уже совсем новый Темыр: передовой сын Советской Абхазии, сумевший полностью преодолеть все впитанные с молоком матери предрассудки. Доказательство этому — свадьба Темыра и Зины. Поднимая бокал за свадебным столом, устроенным по всем правилам, предписанным абхазскими национальными обычаями, Миха говорит: «Темыр — человек твердый и разумный, он знает, что кровной мести не быть в наше время. Тот, кто убивает человека, — враг народу, враг стране. Темыр не считает месть доказательством мужества». Так свадьба Темыра превращается в символ торжества нового, социалистического быта, нового, социалистического сознания абхазских людей.

Роман богато насыщен этнографическим материалом. Читатель находит здесь описание абхазской усадьбы, внешнего и внутреннего вида абхазского дома, предметов домашнего обихода, национальной одежды, обуви, головных уборов. Есть сведения о национальной пище, способах ее приготовления и еды. Дается довольно полное представление об обычаях гостеприимства и кровомщениа, особенно о правилах поведения кровников. Несколькими штрихами показано значение религии в прошлой жизни абхазов, рассказывается о запретных днях, жертвоприношениях, обетах в случае болезни, посиделках у постели больного. Автор рассказывает о роли знахарей и гадалок в старой Абхазии и дает описание самого обряда гадания. Небезынтересны приводимые в романе детали свадебной обрядности абхазов — приезд невесты в дом жениха, встреча ее старшим, описание свадебного пира и т. п. Здесь, однако, вызывает сомнение сообщение Папаскири о совместном появлении на свадебном пиру жениха и невесты, ибо в сельских местностях Абхазии еще и сейчас соблюдается старинный обычай, запрещающий как невесте, так и жениху присутствовать на свадебном пиру. Столь же сомнительно и то, что в описываемые годы мог присутствовать на свадьбе отец невесты.

Немало внимания уделено автором описанию жизни абхазской женщины. В романе рассказывается о правилах поведения девушек, их занятиях, о семейном и общественном положении женщин, поголовной неграмотности их, разительной даже на фоне общей неграмотности абхазов. Образ матери Зины — Сельмы — это образ типичной абхазской крестьянки, опутанной в прошлом густой сетью предрассудков, чуждой и соблюдающей множество тягостных и ненужных обычаев, живущей только жизнью своей семьи и почти совершенно отстраненной от участия в общественной жизни.

Особенно большое место занимает в романе описание сословно-классовых отношений в старой абхазской деревне. Автор сообщает о сословиях князей, дворян, княжеских слуг — ашнакма, «чистых» крестьян-анхайю, рабов и рабов рабов. Давая некоторое представление о жизни этих сословий, автор, к сожалению, совершенно упускает из виду слой среднего крестьянства. Наиболее подробно описаны взаимоотношения между князьями и подвластными им крестьянами. Князь — полновластный хозяин в своих владениях. Земли принадлежит ему, крестьяне работают на его полях, их жены и дочери прислуживают в доме князя. Князю принадлежит первое место на общинных сельских собраниях. Каждый крестьянин знает, что понавившаяся князю лошадь должна быть ему подарена, ибо иначе она все равно исчезнет. Жестоко обиженный князем должен снести обиду, ибо иначе он погиб. Чтобы избавиться от княжеского произвола, многие абхазы рождаются с ним, усыновляют его по народному обычаю. Эти родственники князя — аталыки, молочные братья и т. п. — становятся его ближайшими помощниками в конокрадстве, кровомщениа, насилиях. Породнившиеся считаются братьями, все их имущество считается общим, но на деле (это, к сожалению, показано автором совершенно недостаточно) такое роднение приводит к еще большей эксплуатации крестьянства княжеско-дворянской верхушкой.

Не меньшее место уделено автором описанию кулацкой эксплуатации. Выведенный в романе кулак Кадыр — владелец мельницы, мануфактурной лавки, владелец обширных земель, сдаваемых крестьянам в аренду. Как и князь, Кадыр стремится «породниться» с крестьянами, чтобы этим путем усилить их зависимость от себя. В романе хорошо показано, как сословно-классовое расслоение абхазской деревни проявляется на общинных собраниях, при заключении браков и т. п.

Одно из центральных мест романа — борьба с представителями старого мира, начавшаяся в Абхазии сразу же после установления здесь советской власти. Ни князь Мурзакан, ни кулаки Кадыр и Мыкыч не могут примириться с новым порядком, когда «даже рабы рабов стали людьми». Враги ведут борьбу против нового строя жизни, против организации колхозов, всячески используя здесь не только темноту отсталых абхазских крестьян, но и чтимые еще патриархально-родовые и иные пережитки: узы кровного и молочного родства, обычаи кровомщениа, религиозные чувства народа, влияние знахарей и гадалок. Хорошо показано, как использовали враги народа для своей подрывной работы темных, отсталых абхазских крестьянок: сестра кулака Мыкыча упорно восстанавливала женщин против вступления в колхоз.

Правильно и удачно рисуя картину подрывной работы кулачества, автор, однако, не всегда полностью использует имеющиеся у него возможности. Так, сын кулака Мыкыч, сообщающий Темыру имя убийцы его брата, делает это в романе главным образом из личных побуждений: ему, как и Темыру, нравится Зина. Между тем хорошо известно, что абхазское кулачество еще в конце 20-х годов всячески способствовало сохранению института кровной мести, чтобы дезорганизовать с ее помощью советский правопорядок, мирную жизнь крестьян и колхозное строительство. В других случаях автор несколько упрощает сложную обстановку 20-х годов. В Абхазии, как и повсюду в СССР, враги вели работу исподтишка, скрываясь за спины подкулачников; между тем в романе антисоветская агитация проводится совершенно открыто и незамаскированно. В Абхазии, даже в наше время, молодежь отлично знает о существовании здесь в прошлом сословных различий, между тем в романе девушка Зина уже в середине 20-х годов ничего не знает о старом сословном делении.

С убедительной ясностью показано в романе торжество нового, советского строя. Если в начале книги еще говорится о том, что бедняк Ахмат берет деньги взаймы

у ростовщика, голодает и не знает, как свести концы с концами, то впоследствии мы видим его семью зажиточной, ожидающей большого урожая с колхозных полей, забывшей нужду и горе. Бедняки, никогда в жизни не имевшие собственной скотины, получают скот, им помогают выстроить новые дома. В доме кулака Кадыра открыта школа, к селению тянется нить телеграфных столбов, освоена новая культура чая, высятся огромные табачные сараи. Теперь даже старики заинтересованы в скорейшей и лучшей работе: так, на свадьбе у Темира завязывается спор стариков о том, кто из них заработал больше трудовых. Изменилась материальная основа жизни, изменились мысли и чаяния людей, неизвестно изменились сами люди. Бывший бедняк, сын рабыни, Миха — умелый руководитель парторганизации селения. Крестьяне, еще недавно не желавшие вступать в колхоз, — теперь активные и трудолюбивые колхозники, со стыдом вспоминающие свои бывшие заблуждения. И совсем уже невероятное превращение произошло с абхазскими женщинами, полнотой раскрепощенными советской властью. Женщины и девушки самоотверженно работают на колхозных полях. Первая комсомолка в селении Зина — лучшая ударница. Ей поручают ответственную работу колхозной учетщицы, и она успешно с ней справляется. Зина не боится нарушить запретный день своей фамилии и выйти на работу в колхоз, бросив этим вызов старому. Другие женщины не отстают от нее: Темира, вернувшегося из Москвы, более всего поражает небольшой, казалось бы, бытовой штрих — женщины, не смевшие раньше выйти из дому без двух традиционных платков, теперь работают на полях в соломенных шляпах. Остаются еще, правда, поддерживаемые стариками пережитки прошлого (так, мать Зины приписывает болезнь мужа тому, что Зина нарушила запретный день; она обращается не к врачу, а к знахарке; устраиваются еще традиционные семейные моления), но этих пережитков становится все меньше и меньше, и полное их исчезновение — дело недалекого будущего.

Можно серьезно пожалеть о том, что автор романа, описывая великий перелом, совершившийся в абхазской деревне после установления советской власти, не подчеркнул в должной мере всю опромную роль партии большевиков, повседневно руководившей социалистическим преобразованием молодой Абхазской республики. Можно пожалеть и о том, что автор не показал, какую огромную помощь оказали абхазскому народу великий русский народ и другие народы нашей Родины, особенно грузинский, часть которого составляли абхазы. Роман Папаскири не лишен больших и малых недостатков, но эти недостатки не обесценивают интересной и полезной книги, ясно показывающей читателю торжество социалистического строя в далекой абхазской деревне.

Как бы продолжением романа Папаскири являются повести лауреата Сталинской премии Г. Д. Гуля «Весна в Сакене» и «Добрый город», отражающие следующий этап в жизни Советской Абхазии: пышный расцвет колхозного строя, невиданный подъем социалистической по содержанию, национальной по форме абхазской культуры.

«Весна в Сакене» появилась впервые в 1948 г. и выдержала уже более 10 изданий на русском и на иностранных языках. Это — повесть о приобщении заброшенного в горах и отрезанного большую часть года от всего мира селения к современной культурной колхозной жизни с богатыми урожаями, собственной электростанцией, шоссевыми дорогами. Люди, еще в недавнем прошлом поголовно неграмотные, ведшие счет времени применительно к таким «событиям», как большой снегопад, помышляют теперь о дальнейшем повышении урожайности, о колхозной электростанции и полной электрификации села. Небольшими умелыми штрихами автор показывает перемены, происшедшие в жизни абхазов с победой советской власти и колхозного строя, и противопоставляет старое новому.

В прошлом сакенцы довольствовались жалким урожаем со своей скудной земли, считали себя в этом отношении обиженными богом, а свое положение — непоправимым. Школ и врачей не было и в помине. Некоторые более сильные семьи и фамилии (например, фамилия Мирба) занимались набегами за Кавказский хребет, откуда приводили скот. Многие из них пали жертвой кровной мести: так погибла вся семья Екупа Мирбы. Один из братьев Шаангери Канба пал от руки кровника — подручного князя Маршана, второй — сослан в Сибирь «из-за коня какого-то дворянина». Автор правильно обращает внимание читателя на характерную для дореволюционной Абхазии черту — святость родственных уз, под прикрытием которой действовали князья и дворяне, используя эти узлы в своих интересах. Селение было отрезано от мира, жило своей замкнутой жизнью. Сакенцы выезжали из селения главным образом только тогда, когда нужно было просватать невесту. Девушек выдавали замуж насильно, крали, и тогда ночь, проведенная под одной кровлей с похитителем, делала ее законной женой или навлекала на нее в случае отказа от брака всеобщее презрение.

Отгремела Великая Октябрьская социалистическая революция, победил и укрепился колхозный строй, многие из сынов Сакена вернулись с Великой отечественной войны, в корне изменилась и непрерывно меняется жизнь в Сакене. Глубокие старики еще выделяются своими привычками и обычаями, иным психическим складом и даже внешним обликом, но новое поколение изменилось неузнаваемо. Так, 140-летний старик Шаангери Канба одевается в черкеску, носит башлык и бурку; в про-

твоя противоположность ему бригадир Мирба Кесоу одет в защитного цвета гимнастерку, туго перехваченную широким армейским поясом, и солдатские, смазанные козым салом сапоги — излюбленную одежду молодых абхазов. Однако, как правильно показывает автор, и среди нестарых людей имеются еще отдельные лица, поддерживающие сакенскую старину, чтущие почти забытые всеми алаты. Таковы Рашит Доуа и его друзья Антон и Адамур. Рашит не понимает, что сакенская девушка — это уже не прежняя полурабыня. Уповая на силу адата, он организует похищение Камы — невесты героя повести Кесоу. Похищение организуется по всем правилам, предписываемым «законом»: возвращающуюся домой девушку подстерегают на тропинке, заворачивают в бурку, взваливают на лошадь, отвозят в незнакомый дом и передают на попечение старухе-хозяйке. Эта поборница отжившего прошлого угорваривает девушку покориться, ибо все совершается по предназначению свыше. Однако советская девушка ведет себя совсем не так, как должна была бы вести себя согласно былым адатам. Она не плачет, не покоряется, она — «взбешена». Обращаясь к похитителю, Кама запальчиво восклицает: «Я хотела бы знать, в какое время мы живем? Сород седьмой год? Да? Даже в таком углу, в медвежьем углу, как Сакен, все это напоминает глупое цирковое представление!» Разгневанная девушка требует коня, чтобы возвратиться домой, и добывается своего, ибо даже такой приверженец старины, как Рашит, понимает, что времена уже не те, и женщины не похожи на прежних.

К сожалению, из повести совершенно не явствует, что коренные изменения во всем облике абхазской женщины обусловлены прежде всего привлечением ее к общественно-полезному колхозному труду и вовлечением в общественную жизнь. Автору, несомненно, следовало бы уделить больше внимания показу роли женщин в колхозе, ибо «Женщины в колхозах — большая сила»¹. Женщины в повести Гулиа почти не участвуют в важнейших событиях в жизни Сакена: обсуждении указа правительства о присвоении орденов и званий Геров Социалистического Труда передовикам сельского хозяйства, пуске электростанции и т. п. Показана лишь мать молодого строителя электростанции, да и та скептически относится к затее сына. Не всегда автор достаточно последователен. Молодая колхозница Нина, сестра Кесоу, в одном месте гневно выговаривает брату, смущенному переменой, происшедшей с его невестой. В другом месте та же Нина, присутствуя при споре мужчин о необходимости новой культуры земледелия, молчит только потому, что один из спорящих — ее отец, другой — старший брат.

Таковы частные недостатки повести, но в целом она хороша и яркой картиной современной колхозной жизни, и значительным, художественно преподнесенным этнографическим материалом, и насыщающим всю книгу абхазским национальным колоритом, тонко передающим богатое своеобразие абхазской национальной культуры.

Вышедшая в 1949 г. и переизданная уже восемь раз повесть Гулиа «Добрый город» продолжает сюжетную линию «Весны в Сакене». Главным героем повести Смед Куламба собирается в Москву, чтобы получить здесь высшее образование. Разве мог кто-нибудь из простых крестьян бывшего Сакена мечтать о высшем образовании, о поездке в большой город? Нашелся некогда, как вспоминают в Сакене, смельчак, пожелавший выучить сына. Долго обивал он пороги важных лиц, дошел до разорения и, так ничего и не добившись, покончил самоубийством. А сейчас молодой сакенец смело отправляется в далекий путь. Он, правда, немного смущен непривычной ему обстановкой, но беспокоится только за результат экзаменов. И действительно в огромной Москве Смед находит друзей среди русских, украинцев, белорусов, якутов. Так в повести подчеркивается благотворное влияние передовой русской культуры, братская помощь русского народа, значение великой дружбы народов СССР.

Чрезвычайно интересна небольшая, на первый взгляд, деталь, предшествующая отъезду Смела в Москву. Юноша должен уже улечься, но на паровой мельнице произошла авария, исправить которую, как кажется Смелу, может только он. Смед остается, производит ремонт и опаздывает к началу экзаменов. Здесь перед читателем раскрывается подлинно социалистическое отношение советского человека к общественному делу. Опоздавшего Смела все же допускают к экзаменам в институт, но он еще недостаточно подготовлен, и поступление на год откладывается.

В повести содержится ряд отдельных замечаний и штрихов, знакомящих читателя с теми или иными элементами абхазской национальной культуры. Автор приводит национальные песни абхазов, хорошо передает особенности своеобразной манеры абхазской речи. Имеется описание абхазской кухни, вокруг очага которой любят коротать вечера сакенцы. Кухня старая, крытая папоротником, с закопченными углами, но вместо прежней коптилки в ней уже горит электрический свет. Как бы мимоходом автор описывает характерную для абхазской кухни обстановку — очаг, надочажную цепь, низенький узкий столик. Есть упоминания о национальных блюдах — мамалыге, поджаренном сыре. В дальнейшем мы видим, что Смед отправляется в Москву не с городским чемоданом, а с чрезвычайно распространенным в быту абхазов сундучком, украшенным фигурками птиц и оленей (излюбленный мотив абхазского орнамента).

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е. стр. 420.

Мать Смела Камачич не плачет, провожая сына, ибо, по абхазским обычаям, «проливая слезы по сыну — позор», но, полная опасений, тяжело переживает отъезд сына. Отстальные настроения Камачич подчеркиваются сентенцией отца Смела Гудала: «Женщины иногда большая помеха в жизни». Все это правдоподобно, но для Абхазии 1947 г. весьма не типично. Вряд ли в современной Абхазии найдется много матерей, сомневающих в необходимости образования и боящихся отпустить сына на учебу: мало найдется в Абхазии людей, продолжающих считать «помехой» современную абхазскую женщину.

Сакен — типичное селение горной Абхазии, небольшая часть того огромного целого, имя которому Советский Союз. Вот почему так интересна и поучительна жизнь сакенских колхозников, их новый быт и новые далеко идущие планы. То, что рассказано здесь о Смеле Куламба, можно рассказать о миллионах советских юношей и девушек, различных по национальности, но совершенно одинаковых по своим взглядам, мыслям и чаяниям.

Новая повесть Гулиа «Черные гости» напечатана во втором номере журнала «Новый мир» за 1950 г. В основу ее положено историческое предание, раскрывающее перед нами одну из тяжелых страниц далекого прошлого Абхазии. В повести рассказывается о времени безудержной пантюркистской агрессии, поддерживаемой реакционными правительствами западноевропейских стран. Турецкие захватчики мечтают владычествовать над всем Кавказом; в Абхазии появляются «черные гости» — турецкие эмиссары, организующие феодальный заговор против владетельного князя Абхазии Келеша Чачба (Шервашидзе). Келеш — сторонник России. Вместе со всем абхазским народом он знает, что Россия — единственная страна, в составе которой возможно мирное развитие Абхазии. Лучше других абхазских князей Келеш понимает необходимость присоединения Абхазии к России: «Мы считаем себя составной частью Российской империи с той поры, когда осуществилось присоединение Грузии к России», — говорит он, выражая этими словами чаяния своего народа. Начинается инспирированный турками княжеский мятеж, Келеш и его близкие убиты. Однако действия мятежников и их связь с турками вызывают всеобщее возмущение, и все намерения турок и их сторонников, как о каменную стену, разбиваются о народное сопротивление, поддержанное дружественной Абхазии Россией. Эти далекие времена давно уже минули, но поднятые в повести Гулиа вопросы актуальны и по сей день, ибо и сейчас еще плетутся заговоры и строятся планы, заставляющие нас вместе с автором вспомнить о тех, «кто пыгается снова итти проторенной дорожкой черных гостей, о тех, кто забыл уроки истории и мечтает вновь возродить темные времена». «Черные гости» Гулиа подверглись справедливой критике отмеченной, что эта жизненно-актуальная по своей теме повесть содержит ряд крупных идейно-творческих и художественных недостатков². Не считая необходимым приводить здесь уже высказанные в печати критические замечания, остановимся на имеющемся в повести этнографическом материале.

Несомненный интерес представляют описания старого Сухуми, жилища, утвари, одежды и оружия абхазов; описания эти очень отрывочны, но в большинстве своем верны. Имеются отдельные сведения об абхазском гостеприимстве: описание пира и приема гостей в княжеском доме, упоминание о том, что женщины сюда не допускаются. Упомянув о кровомщенин, автор обращает внимание читателя на то обстоятельство, что этот обычай нередко использовался князьями в целях разжигания кровной вражды между двумя сильными фамилиями и тем самым — их ослабления. Умело обрисованы автором классовые взаимоотношения в абхазском феодальном обществе. Несмотря на постоянные междоусобицы, князья всегда поддерживают друг друга в своих отношениях с крестьянами. Келеш отклоняет просьбу крестьянина вернуть ему землю, отнятую князьями Маршания, ибо и Келеш — прежде всего помещик, защищающий интересы своего класса. Крестьяне ясно видят, что все князья сидят на шее у народа, но пока еще приписывают это личным качествам того или иного князя. «Как это без князей? Князь нужен, но он должен быть добрым», — говорит одно из действующих лиц повести; однако среди крестьян находятся уже и такие люди, которые выступают против классовой несправедливости вообще. Большое впечатление производят описания разбойничьих экспедиций турецких кораблей, экипажи которых разоряют и превращают в пепел целые селения, уничтожают стариков, а молодых мужчин и женщин уводят в рабство. Страшный бич абхазского крестьянства — работорговля, особенно процветавшая во времена турецкого владычества, была уничтожена лишь в середине XIX в., после утверждения в Абхазии русской администрации. Некоторые моменты повести вызывают у нас сомнения. Таково сообщение о телесных наказаниях, как известно, в Абхазии не практиковавшихся и влекших за собой кровную месть. Нельзя признать сколько-нибудь типичным и образ крестьянина-атеиста Бирама Айба: к сожалению, религиозное мировоззрение было широчайшим образом распространено в Абхазии не только в начале XIX, но и в первой четверти XX в., и в советское время потребовалось немало усилий для его преодоления.

Приведенные моменты свидетельствуют, на наш взгляд, о несколько небрежном, упрощенческом подходе к абхазскому этнографическому материалу. Нам кажется

² «Литературная газета» от 23 сентября 1950 г.

также, что этнографическим описаниям и характеристикам могло быть отведено значительно больше места, что сделало бы изложение более ярким и выигранным.

Творческая работа писателей Советской Абхазии продолжается. И. Папаскири работает над переводом нового романа «Путь Химур», С. Цварава заканчивает работу над повестью, посвященной освоению новых земель. И. Тарба пишет новую поэму «Мать» и цикл стихотворений «Мерхеуды», Д. И. Гулиа создает стихотворный цикл о колхозниках-абхазах. Можно рассчитывать, что в самом скором времени рядом с уже известными широкой общественности произведениями Г. Д. Гулиа и И. Г. Папаскири появятся новые хорошие книги, принадлежащие перу абхазских писателей.

Я. Смирнова

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ПОСВЯЩЕННАЯ НАРОДАМ КРАЙНЕГО СЕВЕРА

Н. Задорнов, *Далекий край*, Л., 1949; Н. Задорнов, *Амур-батюшка*, Л., 1949; Р. Фраерман, *Повести и рассказы*, М., 1949; А. Коптяева, *Иван Иванович*, «Октябрь», 1949, №№ 5, 6, 7, 8; Н. Шундик, *На земле Чукотской*, Хабаровск, 1949; И. Крайт, *Северные рассказы*, Рига, 1949.

Народы Крайнего Севера, возрожденные советской властью, неоднократно привлекали внимание советских писателей. В золотой фонд советской литературы вошли книги «Последний из Удэге» А. Фадеева, «Алитет уходит в горы» лауреата Сталинской премии Т. Семушкина. Яркие моменты из современной жизни нанайцев и нивхов запечатлены в романе «Далеко от Москвы» лауреата Сталинской премии В. Ажаева (главы «Штаб Рогова», «Нани на своей земле»). В 1949 г. художественная литература обогатилась рядом книг, посвященных народам Крайнего Севера. Внимание читателей привлекают исторический роман Задорнова «Далекий край», повесть Н. Шундика «На земле Чукотской», избранные рассказы и повести Р. Фраермана и др. Предоставляя литературоведам судить о художественных достоинствах и недостатках этих книг, мы позволим себе подойти к их оценке с этнографической точки зрения.

Роман Н. Задорнова «Далекий край» повествует о событиях, происходивших на Амуре в середине XIX в., накануне второго присоединения этого края к России. Книга состоит из трех частей: «Амур» («Мангму»), «Маркешкино ружье» и «К Тихому океану». События в двух первых частях разворачиваются среди нанайцев (гольдов), показанных на промысле, в своих стойбищах, во время междоусобных столкновений. По ходу действия автор уводит читателя в низовья Амура к нивхам (гилякам), на остров Сахалин к айнам, на Шилку к русским казакам-забайкальцам. Третья часть романа посвящена первому путешествию Г. И. Невельского к устью Амура. В полном соответствии с историческими фактами обрисован в романе дикий произвол маньчжурских чиновников, грязные ростовщические махинации китайских купцов, каторжный режим, установленный японцами для айнов, грубые насилия «цивилизированных» американских и английских китобоев.

Перед читателем возникает яркая картина безрадостного прошлого народов Амура. Только переход в русское подданство мог избавить нанайцев, нивхов, айнов от разбоев и «услуг» китайских, маньчжурских и японских «купцов». С большим мастерством, на примере семьи гольда Ла, его сыновей Чумбуки и Удоги, автор показал мужественную борьбу коренного населения края с иноземными хищниками, стремление народов Приамурья и Приморья к сближению с русским народом, их тягу к передовой русской культуре.

Присоединение Амурского края к России в XVII в. имело большое прогрессивное значение, и когда в 1689 г. по Нерчинскому договору Амур отошел к Китаю, обменные связи между русскими крестьянами и казаками, с одной стороны, и малыми народами Амура, с другой, не прекратились. Автору удалось правдиво показать эти связи. Следует отметить, что Н. Задорнов не упал в идеализацию царских чиновников и купцов, видевших в Амурском крае лишь поле для обогащения. Носителями передовой русской культуры в романе являются простые русские промышленники, казаки, крестьяне. Именно от них заимствовали народы Амура русскую технику пушной охоты, у них научились они пользоваться огнестрельным оружием и приобретали необходимые товары. Автор нарисовал яркие, запоминающиеся образы русских: казака Алексея Бердышева, оружейника Маркешки Хабарова — благородных, честных и смелых людей, опытных промышленников, противопоставив им образы купцов Андрея Коняева, Новгородцова, атамана Скобелицына.

Сделав попытку воссоздать картину жизни народов Амура перед возвращением этого края России, автор естественно уделил большое место в своей книге описанию одежды, жилища, средств передвижения коренных жителей Амура, их охотничьих, свадебных обычаев, верований, родовых институтов. Знакомство с жизнью народов Дальнего Востока облегчило Н. Задорнову использование этнографического материала.

Однако с точки зрения этнографа отдельные положения романа «Далекий край» вызывают возражения. Фигура шамана Бичинги излишне модернизирована. Шаман